

Джефф Кунс привстал, вдохновенно взмахнув руками. Напротив него, на белом кожаном диване с небрежно наброшенными шелками, сидит, скрючившись, Дэмиен Херст и, судя по всему, собирается ему возразить; он мрачен, лицо налилось кровью. Они оба в черных костюмах — у Кунса в тонкую полоску, — белых рубашках и черных галстуках. Между ними на журнальном столике стоит вазочка с цукатами, но ни тот ни другой не обращают на нее ни малейшего внимания; Херст потягивает “Бад лайт”.

Позади них в огромном окне виднеются, насколько хватает глаз, высоченные многоэтажки, поистине вавилонское столпотворение гигантских прямоугольников; ночь светла, прозрачен воздух. Это может быть какой-нибудь Катар или Дубай; обстановка в комнате навеяна на самом деле рекламной фотографией отеля “Эмирейтс” в Абу-Даби из немецкого глянцевого журнала.

Лоб Джеффа Кунса слегка поблескивал, и Джед, затушевав его, отступил на три шага. Нет, Кунс никак ему не давался. А вот уловить суть Херста не так уж и трудно: его можно изобразить брутальным циником, типа “загреб бабла, насрать на всех”, либо таким *художником-бунтарем* (опять же при деньгах), разрабатывающим в своем творчестве *тревожную тему смерти*; кроме того, в его ба-

грово-красном, тяжелом лице было что-то донель-зя английское, как у среднестатистического фаната “Арсенала”. Короче, чего в нем только не было, но все его разнообразные черты легко складывались в целостный и вполне удобоваримый портрет британского художника, типичного представителя своего поколения. Тогда как в Кунсе ощущалась некая двойственность, непреодолимое противоречие между кондовой продажностью товароведа и экзальтацией истинного аскета. Последние три недели Джед то и дело подправлял выражение его лица, — Кунс вставал, вдохновенно взмахнув руками, будто пытался что-то доказать Херсту; написать мормона-порнографа и то было бы легче.

Джед насобирает массу фотографий Кунса, снятого в одиночестве, а также в обществе Романа Абрамовича, Мадонны, Барака Обамы, Боно, Уоррена Баффета, Билла Гейтса... Но повсюду на него смотрел все тот же продавец кабриолетов “шевроле” — почему-то именно в этом образе Кунс решил явить себя миру, — одним словом, в этих снимках не было ровным счетом ничего индивидуального, ну как тут не выйти из себя, впрочем, фотографии давно выводили Джеда из себя, особенно *великие фотографии*, претендующие на то, что они открывают *правду* о своих моделях; как же, открывают они, просто встают столбом перед носом жертвы и знай себе строчат аппаратом, что-то неустанно кудахча и делая сотни снимков на авось, из которых потом выбирают наименее гадкие, вот как поступают все без исключения так называемые великие фотографии, и Джед, будучи знаком кое с кем

Джефф Кунс привстал, вдохновенно взмахнув руками...

из них, ничего кроме презрения к ним не испытывал, полагая, что они ничуть не креативнее фотоавтомата.

В кухне, за его спиной, вдруг отрывисто защелкал водонагреватель. Джед замер в ужасе. На дворе было уже 15 декабря.

Год назад, приблизительно в это же время, злополучный нагреватель точно так же защелкал, после чего окончательно заглох. Температура в мастерской довольно быстро упала до трех градусов. Джеду удалось немного поспать, вернее — подремать, но он постоянно просыпался. Около шести утра он использовал последние литры горячей воды в бойлере, чтобы кое-как умыться, и сварил себе кофе в ожидании мастера из фирмы “Сантех для всех”, — они обещали прислать кого-нибудь рано утром.

На своем интернет-сайте “Сантех для всех” заверял, что “с гордо поднятой головой шагнул в третье тысячелетие”; для начала они могли бы приходить вовремя, буркнул Джек часов в одиннадцать, слоняясь взад-вперед по комнате в тщетных попытках согреться. Он как раз заканчивал портрет отца под рабочим названием “Архитектор Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании”; при такой температуре, само собой, верхний слой краски будет сохнуть слишком долго. Джек собирался, как всегда, поужинать с отцом в рождественский вечер и рассчитывал за две оставшиеся недели закончить картину; но если сантехник не явится, то у него ничего не выйдет. Честно говоря, в метафизическом смысле это не имело никакого значения, он совершенно не собирался дарить картину отцу, достаточно

будет просто *показать* ее; почему вдруг, ни с того ни с сего, это стало ему так важно? Он явно был уже на пределе, видно, переоценил себя, взявшись разом за шесть картин, и вот уже несколько месяцев пахал как проклятый, куда это годится.

Часам к трем он решил снова набрать “Сантех для всех”; там было глухо занято. Ему удалось дозвониться до них только в шестом часу; сотрудница отдела обслуживания отнекивалась, сваливая все на рост числа срочных вызовов с наступлением сильных морозов, но поклялась во что бы то ни стало направить ему мастера завтра утром. Джед повесил трубку и забронировал номер в отеле “Меркюр” на бульваре Огюста Бланки.

Следующий день он полностью посвятил ожиданию слесаря из “Сантеха для всех”, а также его коллеги из фирмы “Сантех без помех”, с которой он договорился в промежутке. В “Сантехе без помех” ему посулили соблюдение исконных традиций “высокой сантехники”, но прийти вовремя тоже не добились.

На картине Джеда его отец, с мученической улыбкой подняв бокал, стоит на возвышении перед полусотней сотрудников своей архитектурной фирмы. Прощальный банкет проходит в просторном, тридцать на двадцать, *open space* с белыми стенами. Свет проникает сквозь стеклянный потолок. Графические станции соседствуют тут с объемными макетами текущих проектов. Среди присутствующих преобладают юноши с хакерской внешностью, асы моделирования в 3D. У самого подиума выстроились полукругом три архитектора лет сорока. Строго следуя

композиции, списанной с малоизвестной картины Лоренцо Лотто, они избегают смотреть друг на друга, пытаясь, напротив, поймать взгляд отца; зрителю сразу становится очевидно, что каждый из них надеется сменить его на должности главы компании. Отец же глядит куда-то поверх их голов, в его глазах читается желание в последний раз собрать вокруг себя свою команду и разумная вера в будущее, но главное — безысходная боль. Ему больно покидать любимое детище, которому он отдал лучшие годы, больно сознавать неизбежное; перед нами явно конченный человек.

Во второй половине дня Джед раз десять пытался прозвониться в “Водопрофи”, но не тут-то было. В режиме ожидания ему запускали радиостанцию *Skyrock*, тогда как в “Сантехе без помех” отдавали предпочтение “Юмору и шансону”.

Часам к пяти вечера он добрался до отеля. На бульваре Огюста Бланки сгустились сумерки; бомжи разожгли костер на боковой аллее.

Последующие дни прошли приблизительно в том же духе: Джед исправно набирал номера предприятий по ремонту сантехники, его тут же переключали на режим ожидания, и он послушно ожидал, коченея возле картины, которая ни за что не желала сохнуть.

Спасение нарисовалось утром 24 декабря в образе хорватского водопроводчика, живущего по соседству, на улице Стефена Пишона, — Джед совершенно случайно заметил его табличку, возвращаясь из “Меркюра”. Да не вопрос, он может прийти хоть сейчас. Невысокий темноволосый парень с тонкими правильными чертами бледного лица и усика-

ми в стиле *бель эпок* был чем-то похож на Джеда; не считая усиков, само собой.

Войдя в квартиру, он тут же принялся осматривать колонку. Не торопясь снял переднюю крышку с регуляторов, пробежался ловкими пальцами по сложному сплетению трубок. Порассуждал о клапанах и сифонах. Он вообще производил впечатление человека, глубоко знающего жизнь.

Потратив минут пятнадцать на тщательный осмотр агрегата, он вынес следующий вердикт: починить-то можно, худо-бедно он его *подправит*, делов-то на пятьдесят евро, о чем говорить. Конечно, это будет чистая халтура, а не ремонт, но пару месяцев продержится, а то и лет, как повезет, но за большее он не ручается; да и неуместно было бы делать ставку на долголетие данного отопительного прибора.

Джед вздохнул, признавшись, что чего-то в этом роде и боялся. Он хорошо помнил тот день, когда, девять лет назад, решился на покупку этой квартиры; самодовольный коротышка риелтор, расхваливая на все лады феноменальное освещение, не скрывал при этом необходимость кое-какой “косметики”. Джед подумал тогда, что лучше бы он сам стал агентом по недвижимости или гинекологом.

И без того радушный коротышка пришел буквально в экстаз, узнав, что Джед художник. Впервые, воскликнул он, ему посчастливилось продать *мастерскую художника* настоящему художнику! Джед испугался, что тот заявит сейчас о своей солидарности с настоящими художниками, обрушившись на буржуазно-богемных козлов и прочих обывателей того же пошиба, которые взвинчивают цены, перекрывая таким образом настоящим художникам

доступ в мастерские художников, а что поделать, против рынка не попрешь, сами понимаете, впрочем, меня это не касается... но, слава богу, обошлось, коротышка риелтор просто скинул ему десять процентов, на что он, очевидно, и так был готов пойти, слегка поторговавшись для виду.

“Мастерская художника”, не будем обольщаться, являла собой чердак со стеклянным потолком, отличным, надо отдать ему справедливость, потолком, и невразумительными удобствами, которых едва хватало даже Джеду, чьи потребности в личной гигиене были весьма ограниченными. Но вид из окна был выше всяких похвал: за площадью Альп тянулся бульвар Венсена Ориоля с наземной линией метро, проступавшей на фоне высоких четырехгранных крепостей, возведенных в середине семидесятых: они выглядели пощечиной изысканному парижскому пейзажу, но именно их Джек ставил превыше всего в Париже, с архитектурной точки зрения.

Хорват закончил работу и положил в карман причитающиеся ему пятьдесят евро. Он не предложил Джеду выписать счет, да тот на это и не рассчитывал. Не успел он выйти, как снова забарабанил в дверь. Джек высунулся узнать, в чем дело.

— Кстати, месье, — сказал хорват. — Поздравляю вас с Рождеством. Я только хотел поздравить вас с Рождеством.

— Ну да, — смущенно отозвался Джек. — Вас также.

И тут до него дошло, что с такси возникнут проблемы. Как и следовало ожидать, компания “С ветерком” наотрез отказалась везти его в Ренси,

а “На всех парах” согласились, так и быть, добросить его до вокзала, ну, в крайнем случае, до мэрии, ну уж точно не до самого “Городка Кузнечиков”. “Меры предосторожности, месье...” — прошелестел его собеседник с легким упреком. “Мы обслуживаем только абсолютно безопасные участки”, — сообщили ему в свою очередь в “Автомобилях Фернана Гарсена” с хорошо отрепетированным сожалением. Мало-помалу в Джеде просыпалось чувство вины — ну что правда ему взбрело в голову провести рождественский вечер на таком непотребном участке, как “Городок Кузнечиков”, — и он по привычке мысленно попрекнул отца за упрямое нежелание съезжать из своего добротного особняка с огромным парком, который, по воле движения народных масс, незаметно очутился в самом центре проблемного пригорода, попавшего с некоторых пор под неусыпный контроль местной братвы.

Джеду пришлось укрепить каменную ограду, надстроить ее сеткой под током и установить систему видеонаблюдения с прямой передачей сигнала в полицейский участок, и все это ради того, чтобы отец мог безбоязненно гулять в гордом одиночестве по двенадцати комнатам, хотя прогреть их не представлялось возможным, и за исключением Джеда, не пропускавшего рождественский ужин, там никто никогда не появлялся. Ближайшие магазинчики уже давно приказали долго жить, ходить пешком по соседним улицам не рекомендовалось, да, собственно, и на машины тут, бывало, нападали, когда те притормаживали на красный свет. Мэрия Ренси прислала отцу домработницу — вздорную злобную сенегалку по имени Фатти, которая взъелась на него с пер-

вого же дня, отказывалась менять постельное белье чаще чем раз в месяц, да и подворовывала, как пить дать, делая покупки.

Тем временем в мастерской немного потеплело. Джед сфотографировал недосохшую картину, хоть что-то можно будет предъявить. Он скинул брюки и свитер, сел по-турецки на лежащий прямо на полу узкий матрас, заменявший ему кровать, и закутался в одеяло. Постепенно замедляя дыхание, он вообразил себе неторопливый, ленивый плеск волн в тусклых сумерках, пытаясь по мере сил обрести спокойствие духа и подготовиться к очередному Рождеству в обществе отца.

Это медитативное упражнение принесло свои плоды, и вечер прошел если не спокойно, то нейтрально, чуть ли не дружелюбно; на большее он уже давно и не надеялся.

На следующее утро, часов в семь, полагая, что здешние отморозки тоже *отмечали* Рождество, Джед отправился пешком на станцию и благополучно доехал до Восточного вокзала.